

С. В. Князев, А. Н. Левина, С. К. Пожарицкая

О ГОВОРАХ ВЕРХНЕЙ ПИНГЕИ И ВЫИ

0. Вступительные замечания.

Диалектологические поездки П. С. Кузнецова в селения по течению рек Пинега и Верхняя Тойма, предпринятые им в 1928 и 1929 годах, имели своей целью определение путей колонизации одного из регионов Севера и уточнение границы Поморской группы говоров [Дурново, Соколов, Ушаков 1915]. Опубликованное им в 1949 году описание этих говоров [Кузнецов 1949] дает ценнейшие сведения относительно того периода, когда говоры северной «глубинки» еще не были вовлечены в активное взаимодействие с русским литературным языком (далее — РЛЯ), явившееся результатом последовавших затем глубоких социально-экономических преобразований.

Изучая эти говоры в 1987–1990 годах, мы не ставили перед собой цель проверки историко-лингвистической гипотезы П. С. Кузнецова, которая состоит в том, что русская колонизация этого края шла не с севера (вверх по течению Пинеги), а с юга (с Двины через водораздел Пинеги и Верхней Тоймы), — нас интересовал характер эволюции диалектных фонетических систем на протяжении шести десятилетий, существенно изменивших экономическую и демографическую картину этого края (так, из 44 населенных пунктов, упомянутых П. С. Кузнецовым, до настоящего времени сохранилось немногим более десяти, а количество жителей в каждой из оставшихся деревень существенно уменьшилось). Способ наблюдений П. С. Кузнецова довольно существенно отличался от нашего: его поездка была путешествием с весьма беглыми наблюдениями над речью аборигенов (что, однако, не помешало его заметкам стать одним из лучших в диалектологии фонетических описаний); мы же наблюдали говор каждого из восьми пунктов (Сура, Нюхча и Занюхча, Вадюга, Великая, Тинева, Гаврилово, Зайцево, Кудрина гора) в течение двух-трех недель. Это позволило нам не только глубже изучить морфологию и синтаксис исследуемых диалектов, но и обнаружить некоторые из существовавших еще и в то время, но не отмеченных П. С. Кузнецовым особенностей фонетики.

П. С. Кузнецов делит говоры исследованного им ареала на три основные группы: 1) говоры к западу от водораздела (Верхняя Тойма и Вершина), 2) бассейн Верхней Пинеги и Выи, 3) говоры вниз от устья Выи (Кучкас, Нюхча, Сульца и Сура). Наши сведения о говорах 1-й группы, к сожалению, неполны, поскольку мы знакомились

с ними только по фонограммам О. Г. Гецовой; две другие группы изучены нами достаточно подробно. Характеризуя их, мы опирались преимущественно на материал дд. Вадюга и Тинева (2-я гр.) и дд. Нюхча и Лавела (3-я гр.).

1. Некоторые особенности суперсегментной организации речи.

1.0. Особенности просодической организации диалектной речи, которые П. С. Кузнецов описывает, основываясь лишь на аудитивном анализе материала, мы имели возможность исследовать и уточнить при помощи современных методов инструментального анализа речи — пакета программ [CECIL 1990]. Предметом нашего анализа было распределение интенсивности и характер движения тона во фразах из текстов монологического характера.

1.1. Наблюдения П. С. Кузнецова над просодической организацией диалектной речи состоят в следующем:

1) В большинстве из рассматриваемых говоров ударение в экспираторном отношении слабое. Различие между ударным и безударным слогом по силе относительно невелико, иногда оно столь мало, что даже двусложное слово производит впечатление слова с двумя ударениями, например: *вёрхнёт*.

2) В многосложных словах обычно развивается, помимо главного, вторичное ударение. Особенно ясно заметно оно в более чем двухсложных словах с ударением на начальном слоге.

3. Энклитики, в частности, постпозитивные частицы, создают впечатление ударности.

4) Конечный слог перед паузой, независимо от того, ударный он или неударный, заметно протягивается. Этот конечный слог имеет обычно отлоговоходящую интонацию с крутым падением в конце.

5) Система ударения и интонации на протяжении всей рассматриваемой группы говоров в общем единообразна. Выделяется лишь одно место, а именно д. Устье в Вые (2-я гр.), отличающееся от окружающих деревень заметно более сильным в экспираторном отношении ударением. Наряду с этим заметен более быстрый темп речи (относительно короче безударные слоги).

1.2.0. Результаты проведенного нами исследования позволяют выделить в пределах рассмотренного ареала три основных типа просодической организации речи.

1.2.1. Первый тип характеризуется таким распределением интенсивности, что максимальное значение этого параметра регулярно приходится на ударный гласный каждого фонетического слова; при

этом значения всех словесных максимумов во фразе приблизительно равны, а все безударные слоги (вне зависимости от положения по отношению к ударному) характеризуются значениями приблизительно в два раза меньшими, чем слоги под ударением. Такое произнесение характеризуется и пословным оформлением фразы: на каждом из фонетических слов наблюдается восходящее-нисходящее движение тона. Таким образом, пословное распределение интенсивности связано с отсутствием больших, чем слово, просодических единиц (синтагм). Однако полного параллелизма тонального и динамического оформления слова в этом случае не наблюдается: максимум интенсивности обычно приходится на один — ударный — слог, тогда как полем реализации тонального акцента чаще всего является последовательность из двух слогов: ударного, на котором наблюдается повышение тона, и 1-го заударного, на котором происходит падение. Крутизна подъема / падения варьируется от случая к случаю. Данный тип просодической организации фразы представлен на *рис. I*

1.2.2. Второй тип суперсегментного оформления речи (*рис. 2*) характеризуется таким распределением интенсивности во фразе, при котором практически отсутствуют различия по уровню интенсивности ударных и безударных слогов одного слова и ударных слогов разных слов одной фразы. Иногда, впрочем, отмечается появление динамического максимума на первом заударном слоге слова. Движение основного тона такое же, как в 1-м типе.

1.2.3. Распределение интенсивности в говорах третьего типа (*рис. 3*) подчинено некоторым фразовым законам. Здесь наблюдаются довольно регулярные фигуры огибающей интенсивности, самая частотная из которых характеризуется нарастанием интенсивности к концу синтагмы (которая может совпадать с фонетическим словом); максимум в этой фигуре довольно часто приходится на первый заударный слог. В случае такого «посинтагменного» динамического оформления ударные слоги, попадая в определенную дугу интенсивности, имеют по этому параметру значения, как правило, соответствующие их месту в динамической фигуре, — поэтому внутри ее ударный гласный может быть менее интенсивным, чем безударные. Такому динамическому контуру (с максимумом в конце) обычно соответствует и повышение тона к концу синтагмы (повторим, что нередко она состоит из одного фонетического слова), т. е. параметры движения тона и интенсивности обнаруживают тенденцию к односторонности. Однако полного параллелизма тонального и динамического контуров не наблюдается и в этом случае: частота основного тона

достигает своего максимума на ударном слоге, а огибающая интенсивности — на 1-м заударном. Тональный акцент при этом может быть реализован либо только на ударном гласном, либо на ударном и первом заударном¹.

1.3. В лингвогеографическом плане первый тип суперсегментной организации речи отчетливо противопоставляет говоры населенных пунктов, расположенных по течению Выи (левого притока Пинеги), говорам пинежских деревень; третий тип характеризует говоры д. Сура, Нюхча и Занюхча (север рассматриваемой группы, течение Пинеги после впадения в нее Выи), а также д. Вершина (юго-запад, бассейн р. Верхняя Тойма); наконец, второй — промежуточный — тип просодического оформления свойствен речи жителей д. Вадюга и Великая (центральная часть описываемой группы, верхнее течение Пинеги до впадения в нее Выи).

1.4.1. Сравнивая наши наблюдения с материалами П. С. Кузнецова, отметим, что его замечание о слабом экспираторном ударении характеризует не весь корпус говоров, а только те из них, которые описываются как второй и — с несколько меньшими основаниями — третий просодические типы. Для говоров третьего типа подтверждается и наблюдение о том, что безударные в РЛЯ слова (энклитики и проклитики) могут «перетягивать» на себя ударение (см. динамический контур слова *дают дак* на рис. 4).

1.4.2. Наблюдения П. С. Кузнецова о том, что в музыкальном отношении фраза состоит из отрезков с восходящей интонацией, подтверждается интонограммами: волнообразный мелодический контур фразы создается путем повышения / понижения тона на каждом фонетическом слове фразы.

1.4.3. В своей работе П. С. Кузнецов описывает также интонацию слога, находящегося перед паузой, т. е. **фазового завершителя**. Инструментальный анализ материала показывает, что в текстах встречается два основных типа завершителя, имеющих, однако, общий признак — повышение тона; различие между ними состоит в месте, на которое это повышение приходится. Первый тип характеризуется повышением тона на ударном гласном последнего фонети-

¹ Обращает на себя внимание тот факт, что во всех рассмотренных типах просодической организации речи 1-й предударный слог фонетического слова не противопоставлен остальным предударным слогам ни тонально, ни динамически. Это в корне отличает описываемую ситуацию от ситуации РЛЯ, где данный слог обладает равной (или почти равной) с ударным интенсивностью и является обычно (также наряду с ударным) полем реализации фразовых акцентов

ческого слова вне зависимости от того, является ли он конечным. Если этот гласный является последним во фразе, то на него приходится резкий подъем тона со столь же крутым падением (при этом крутизна падения может уменьшаться за счет увеличения длительности гласного). Если же последний из ударных гласных фразы не является конечным, то понижение тона происходит на заударной части, а крутизна падения зависит от количества заударных вокалических сегментов и их длительности (конечный гласный слова, по замечанию П. С. Кузнецова, почти всегда заметно протягивается). Для этого типа релевантным является повышение тона на ударном гласном (*рис. 1, 3, 5*). Второй тип интонационного завершителя наблюдается лишь в тех фразах, где последний ударный гласный не является конечным; он характеризуется восходящим движением тона либо лишь на заударном гласном, либо на ударном и заударном. Для этого завершителя релевантным представляется повышение тона на заударной части.

2. Вокализм.

Фонемный состав вокализма наблюдаемых говоров П. С. Кузнецова определяет как пятифонемный, замечая при этом, что иногда фонема <e> «принимает более закрытый характер (сравнительно с РЛЯ), порой занимая даже положение среднее между [э] и [и], например, *дёло* (д'илю — Горка в Пинеге), *по такому де"лу* (Ручевская), *хоте"л* (Прилук в Тойме), *нёт / нет* (Пога в Вершине)» [Кузнецов 1949: 16].

В качестве характерной особенности вокализма П. С. Кузнецова отмечает зависимость гласного не только от качества соседних согласных (мягкости и губного образования), но и от гласных соседнего (последующего) слога.

В ударном слоге мягкость последующего согласного вызывает чередование [а] / [е] (*н'áтоц / н'éт', оставл'áл / оставл'éл'i*) в говорах всего региона. П. С. Кузнецов отмечает не абсолютный, т. е., по-видимому, уже не фонетический характер этой закономерности, проявляющейся в том, что тембр [а] сохраняется в некоторых словах, в том числе и у тех диалектносителей, речь которых никак не могла быть затронута влиянием РЛЯ. К сожалению, материалы П. С. Кузнецова не позволяют судить о динамике этого чередования; неясно, насколько сильно разрушилась его регулярность за прошедшие десятилетия. Во всяком случае, оно продолжает оставаться достаточно регулярным — произношение [е] существенно преобладает над [а] несмотря на то, что оно образует весьма резкий контраст с РЛЯ, поскольку затрагивает фонемный состав слова. Интересно, что [е] ни разу не

встретилось в некоторых словах, исконность которых для говора несомнена, а возможность аналогического выравнивания по морфемам с твердым последующим согласным исключена ([*m'ám'a*], [*n'án'ka*]). Почти не встречается [e] во флексии Instr. Sg. ([*кон'ám'i*]), но регулярно присутствует в глаголе ([*оставл'él'i*], [*отвор'éjy*], [*заготовл'ém'*]), хотя возможность грамматической аналогии имеется как для той, так и для другой формы ([*домám'i*], [*оставл'ál*]).

Звук [и] на месте *ě, дающий регулярное чередование [e] / [и] в говорах Верхней Тоймы, к востоку от водораздела проявляется только в отдельных словах ([*л'ís'н'íš'a*], [*juc*], [*на пов'ít'e*]).

Таким образом, сильной позицией для гласных является позиция не между мягкими согласными, где вокалическая система представляет собой трехступенчатый пятифонемный треугольник. В соответствии с действовавшими ранее фонетическими закономерностями этот треугольник в позиции между мягкими согласными свертывается в двухступенчатый трехфонемный, где [e] является результатом нейтрализации всех фонем неверхнего подъема ([*p'ék'u*], [*m'én'et*], [*c'él'sk'u*]).

Вокалический треугольник ударного слога имеет тенденцию к воспроизведению в безударных слогах в тождественном консонантном контексте, в связи с чем П. С. Кузнецов отмечает, что «неударяемый вокализм всех рассматриваемых говоров характеризуется вообще отчетливым качественным различием безударных гласных», приводя, впрочем, пример для гласных в твердом консонантном окружении (*загородитé*) [Кузнецов 1949: 20].

В говорах продолжает действовать отмеченное П. С. Кузнецовым лабиализующее воздействие губной артикуляции согласных ([*бул'шóu*], [*мушиák*]) и межслоговой вокальной ассимиляции, проявляющейся главным образом в сужении артикуляции гласного ([*пустухá*], [*прукурób*], [*глиd'í*], [*ск'íп'им'ít*], [*r'íк'í*] и т.п.). [и]-ассимиляция, поддерживаемая мягкостью согласных, происходит хотя и факультативно, но достаточно регулярно и не зависит от этимологической природы гласного (ее фонемный эквивалент под ударением — <Э>).

Действие фонетической закономерности влияния мягкой артикуляции соседнего (в особенности, последующего) согласного, которое вызывает чередование гласных в составе одной морфемы, а по сути — изменение фонемного состава морфемы ([*n'áтоu*] / [*n'et*], [*оставл'ál*] / [*оставл'él'i*]), а также межслоговой ассимиляции гласных, находится в противоречии с другой типично северорусской закономерностью, реализующейся в оканье, — стремлением сохранить зву-

ковой состав морфемы независимо от ее места по отношению к ударению ([*в'ол*] / [*в'ола*] / [*выв'ол*]). Взаимодействие этих противополож-но направленных тенденций в условиях безударности, когда смыслоразличительная роль гласных практически сводится только к противопоставлению <у> // не-<у>, влечет за собой возможность свободного варьирования гласных, пределы которого ограничиваются теми звукотипами, которые «заданы» действием фонетических закономерностей. Так, чередование [*и'осу*] // [*и'ес'ош*] делает возможным варьирование [*и'осу*] / [*и'есу*], а чередование [*т'ану*] // [*т'ен'и*] — варьирование [*т'ану*] / [*т'ену*]. Между мягкими согласными варьируются [е] / [и]; при этом [о] и [а] ([*и'ос'ош*], [*гл'ад'и*]) практически «запрещены» воздействием последующего мягкого согласного.

Следует отметить, что узкий раствор рта и пассивная губная артикуляция в сочетании с быстрым темпом произнесения обусловливают слабую фонетическую контрастность и неопределенность тембра гласных в безударных слогах после мягких и в особенности между мягкими согласными ([*в'e⁰ла*], [*т'эну*]). Это свидетельствует о том, что вариативность в системе вокализма не является прямым результатом влияния РЛЯ на говоры; возможно, что оно способствует «расщатыванию» системы (к сожалению, таких данных из сопоставления наших материалов с наблюдениями П. С. Кузнецова нам извлечь не удалось), но прежде всего вариативность обусловлена особенностями артикуляционной базы диалектов и их просодической организации, которая заключается в том, что единство слова, его просодическое оформление основано не на подчинении словесному ударению, а на последовательной координации элементов звуковой цепи, т. е. на связи гласного с последующим согласным и гласным следующего слога.

Устойчивость такой организации вокализма демонстрируется тем, что наши наблюдения по сути дела не отличаются от наблюдений П. С. Кузнецова.

3. Консонантизм.

3.1.0. Наблюдения П. С. Кузнецова над особенностями консонантной системы рассматриваемых говоров состоят в следующем.

1) Заднеязычный звонкий согласный — нормально взрывной [г] (кроме слов церковнославянского происхождения и флексии прилагательных Р. п. м. р.).

2) [х] подвергается иногда замещению через [ф] или [хв].

3) В отличие от РЛЯ, заднеязычные палатализованные согласные возможны перед [о] и на конце слова: [*жг'от, л'ек*] (= ляг).

4) Согласный [j] отсутствует в позиции перед [э] [*поэш, эс'*]; эпентетический [j] может развиваться в позиции перед [и] [*йин'еи*].

5) Переднеязычные фрикативные свистящие [с] и [з] как твердые, так и мягкие, особых замечаний не вызывают. Шипящие [ш] и [ж] нормально твердые, но наряду с этим встречаются и в палатализованной форме перед гласными переднего ряда и на конце слова [*в'йд'иш', скаж'и*]. Долгие шипящие [ш] и [ж] нормально твердые, лишь изредка эти согласные палатализованы.

6) Переднеязычные аффрикаты представлены одной фонемой, артикуляция которой вне зависимости от позиционных условий колеблется от [ц] до [ч'] с различными промежуточными образованиями, больше склоняясь в сторону [ц]; палатализованное [ц'] может утрачивать фрикативный элемент.

7) Конечные губные в части рассматриваемых говоров постоянно тверды, в части же говоров могут быть и мягкими; в положении перед гласным переднего ряда наблюдается их неполное смягчение.

8) В говорах представлены губно-зубные согласные [в] и [ф], сменяющие [w] / [ў] и [xw].

9) Изредка можно встретить на вполне оглушенный звонкий согласный на конце слова и перед последующим глухим.

10) В редких случаях заднеязычные согласные палатализуются после мягких.

11) В двух случаях отмечена полная ассимиляция [j] предшествующему переднеязычному: [*ибч'у, тр'ёт'еу*].

12) В Нюхче отмечено несколько случаев палатализации переднеязычного согласного после [л']: [*бól'н'o, л'д'у*].

3.1.1. На основании этих наблюдений П. С. Кузнецов формулирует следующие выводы: «Система согласных с фонологической точкой зрения однородна; от РЛЯ она отличается наличием одной аффрикаты вместо двух и наличием заднеязычных палатализованных [к'] и [г'] как особых фонем... Наблюдающееся в части говоров изменение [л > ў] для фонематической системы значения не имеет, т. к. в звуке [ў] фонема <л> не совпадает ни с какой другой фонемой. Взаимоотношения между глухими и соответствующими звонкими фонемами близки к литературным (за небольшими изменениями, указанными выше). Также отношения между твердыми и мягкими (за исключением того, что несколько шире распространена ассимиляция по мягкости, а также того, что в части говоров конечное положение для губных является слабым). Наконец, следует обра-

тить внимание на несколько меньшую устойчивость фонем сравнительно с РЛЯ, выражающуюся в том, что между некоторыми фонемами обнаружаются позиционно необусловленные колебания (в первую очередь у <ф> / <х>> [Кузнецов 1949: 36-37].

3.2.0. Спустя 60 лет консонантная система говоров предстала перед нами в следующем виде.

3.2.1. Место и способ образования согласных.

Губно-губные фонемы <в> и <ф> могут быть реализованы целим рядом звуков: [в], [β], [м] (в позиции перед носовым), [w] (в основном, в положении, перед лабиализованным гласным) и [ɸ], [π]: [два], [врац"], [трафа], [вбз"л"е], [сламно], [м нор'е], [вот], [лошук"], [годобф], [фс"о], [слојб] (= своё), [на лаж'е].

Звонкая заднеязычная фонема представлена звуком [г]: [гот], [у н'огб], [огорот], (но: [бóуу], [боуáты]). Флексия прилагательных Род. п. ед. ч. м. р. представлена в говорах в виде [ого] и [оо]: [другого], [н"икакого], [вос'mоо], [иноо], [ц"оо].

В позиции перед [э] в начале слова, а иногда и в интервокальном положении фонема <j> реализуется нулем звука: [эс"т"], [эсл'i], [эз"д"ит], [н'e эм], [поэхала]. Начальное [и] реализуется как [и]: [иж], [иной]. Любой переднеязычный согласный (но особенно [т]) может ассимилировать себе последующий [j] (такие примеры очень многочисленны): [л"л"у], [с"т"ихотор'ен"н"а], [ружжса], [на тр'ет"т"ом], [плам"т"о].

Шипящие [ш], [ж] в положении перед гласным переднего ряда и на конце слова не палатализуются: [покажы], [иод"ыш]. Единственное исключение — позиция после палatalного согласного, где представлены палатальные же шипящие: [ран"ш"е], [м'ен"ш"е], [бл"ш"е]. Долгие шипящие практически всегда непалатализованы и могут быть реализованы звуками [ш], [шти], [ж], [ждж]: [эшб], [ишти], [поуежаl'i], [уцежжджасу]. Следует заметить, что консонантные сочетания *шт*, *жд* тоже могут быть — в результате ослабления и спирантизации второго элемента кластера — реализованы как [шти], [ждж]: [жджасу], [пошти то], [од"ёжджы].

Единственная аффриката в говорах может быть реализована широким спектром звуков: [ц — ц' — ц" — с — с' — с" — ш" — ч — ч' — ч"]; утраты фрикативной части нами не отмечено.

Фонема <л> в позиции перед гласным может быть представлена как веляризованным [л], так и «европейским» [l], а в положении перед согласным и на конце слова — соответственно [л] или [w].

Переднеязычные фонемы <т>, <д>, <н>, <с>, <з> могут быть представлены ламинальными зубными звуками (как в РЛЯ) или апикальными альвеолярными. В этом последнем случае степень их веляризации очень невелика (вплоть до полного отсутствия), поэтому последующие гласные создают впечатление более передней артикуляции: [сам], [түт], [там], [н"ёту], [бүдү], [у нас].

3.2.2. «Твердые» и «мягкие» согласные.

Противопоставление так называемых «твердых» и «мягких» согласных в рассматриваемых говорах в речи разных их носителей может быть реализовано двумя различными способами.

Первый, наиболее распространенный, тип — это оппозиция {+/- палатализации}. В этом случае все согласные характеризуются либо как {+ палатализованные}, либо как {- палатализованные (= веляризованные)}: [мат] / [м'ат], [ком] / [тк'ом], [зам] / [з'ам], [кроф] / [кроф'], etc. В этом случае отношения между твердыми и мягкими согласными практически не отличаются от их отношений в консонантной системе РЛЯ (за исключением того, что в говорах отсутствуют одна аффриката и <ш'> как самостоятельные фонемы).

Однако существует и иной тип противопоставления «твердых» и «мягких» согласных, представленный, в основном, в наиболее архаическом слое говоров. Он характеризуется отсутствием артикуляции палатализации: вместо палатализованных губных согласных произносятся твердые (на конце слова: [вбс"ем], [кроф], [ф ү"ёркоф]) или полумягкие (перед гласными переднего ряда: [н"ев"эста], [м'эсто], [б'эр"ек], [пол'эц]); на месте палатализованных переднеязычных — соответствующие палatalные: [н"ел"з"а], [т"ёсто], [од"ёжджү], [р"ёц"ка]. Заднеязычные согласные могут вести себя как переднеязычные ([к"ит], [тк"ом], [л"ек']) или как губные ([на бык э], [д"ёфк ы], [в рубах э]); в последнем случае они могут приобретать полумягкость не только в позиции перед гласным переднего ряда, но и в положении после палatalного согласного ([байн"к у], [в н"ан"к ах]). Такая оппозиция может быть описана как корреляция по локальному ряду [Кузнецова 1969]. Заметим, что данное противопоставление обнаруживается лишь в речи тех информантов, артикуляционной базе которых свойственно апикальное произношение переднеязычных согласных (поскольку апикальная артикуляция препятствует процессу палатализации).

3.2.3. «Глухие» и «звонкие» согласные.

«Глухие» и «звонкие» согласные также могут быть включены в различные противопоставления.

Первый тип — корреляция по ДП {+/- звонкость}, свойственная консонантным системам большинства идиолектов и полностью параллельная оппозиции глухих / звонких согласных РЛЯ.

Второй тип, наряду с противопоставлением по локальному ряду, характеризует архаический слой говоров. Это корреляция по ДП {+/- напряженность}, впервые обнаруженная в русских говорах Л. Л. Касаткиным и Р. Ф. Касаткиной [Касаткин, Касаткина 1987]. О наличии в консонантной системе говоров этой оппозиции свидетельствуют следующие факты:

1) Глухие взрывные согласные в позиции перед ударным гласным сильно аспирированы: [*m^hum*], [*k^hom*], [*n^hár'en'*]; в других позициях степень аспирированности меньше.

2) Сонорные согласные оглушаются в положении после глухого согласного: [*n^hym*], [*n^hlom*], [*k^h n"eu*], [*na n^h n"é*], [*n^hrávo*], [*c^hoja*], [*t^ha ap'*].

3) В позиции перед гласным после гласного или сонорного для шумных согласных несущественным оказывается параметр наличия / отсутствия голоса: [*m^hól'ko*], [*in'h'er'échno*], [*n"íjxé*], [*toŋér'a*], [*rán"šé*].

4) Взрывные согласные на конце слова могут быть реализованы как имплозивные: [*on' ét'*], [*urók*], [*n^hon*].

5) Распределение длительности сегментов в слове в корне отличается от ситуации РЛЯ: длительность любого (но особенно сонорного) согласного является наибольшей в положении перед согласным и наименьшей — после согласного, принимая в инициальной и интервокальной позициях промежуточные значения [см. Князев 1989, Князев 1990]. Поэтому фрикативные согласные в положении перед согласным воспринимаются на слух как долгие: [*m ésto*], [*tóйno*].

6) Звонкие (ненапряженные) согласные в интервокальном положении и любые взрывные в позиции после согласного могут спиранизироваться или выпадать: [*hójum*], [*n"igd"é*], [*náo*].

7) В говорах широко представлены явления прогрессивной ассимиляции согласных как по мягкости, так и по другим основаниям: [*rán"š"e*], [*naç"n"y*], [*pal"m"o*], [*pó l"d"y*], [*ujjósh*], [*z"z"e*] (= уйдёшь, где).

8) Инструментальные исследования противопоставления «глухих»/«звонких» согласных в этих говорах [см. там же] показали, что данный тип оппозиции во всех существенных чертах совпадает с корреляцией {+/- напряженных} согласных в германских языках и значительно отличается от противопоставления тех же согласных в языках финно-угорской семьи.

3.2.4. Таким образом, архаический слой говоров характеризуется наличием в его консонантной системе корреляций {+/- напряженности} и локального ряда, обусловленных такими особенностями АБ, как апикальный характер артикуляции переднеязычных согласных и тесное примыкание элементов речевой цепи друг к другу [Пауфошима 1977].

3.3. Сопоставив наши наблюдения с материалами П. С. Кузнецова, нетрудно заметить наиболее очевидные перемены: в консонантной системе рассматриваемых говоров утвердились фонемы <ф> и <ф'>, краткие шипящие утратили палатализацию, наблюдается тенденция к употреблению двух аффрикат вместо одной и произношению мягких губных на конце слова, отсутствуют неоглушенные согласные в позиции конца слова и перед глухим шумным. Таким образом, консонантная система говоров эволюционирует в сторону сближения с РЛЯ, причем в первую очередь она утрачивает те особенности, которые наиболее ярко противопоставляют эти системы: корреляции локального ряда и {+/- напряженности} преобразуются в корреляции {+/- палатализации} и {+/- звонкости}. При этом наиболее стабильными оказываются те диалектные особенности, которые обусловлены особенностями артикуляционной базы и могут быть включены в новые системные отношения, не создавая яркого контраста со складывающейся новой фонологической системой: апикальные и палатальные артикуляции (палатальные согласные занимают место палатализованных переднеязычных в корреляции по ДП {+/- палатализации}), аспирация глухих взрывных (этот параметр является существенным и для разграничения {+/- звонких} согласных), прогрессивное направление ассимиляции, а также специфический характер распределения длительности в слове. Вокалическая же система говоров сохраняет гораздо большую стабильность в силу ее меньшей значимости.

4. Заметки о морфологии.

4.0. Морфологическая часть статьи П. С. Кузнецова очень кратка в связи с тем, что «по обстоятельствам военного времени вторая часть работы, содержащая морфологию и общие выводы, зимой 1941–1945 гг. была почти полностью утрачена» [Кузнецов 1949: 5]. Наши наблюдения существенных отличий от данных П. С. Кузнецова не содержат.

4.1.1. Склонение сущ. ж. р. на <-а> имеет разные окончания в говорах выше Выи (группы 1, 2) и ниже Выи (3): в первых — Р. п. <-и>,

Д. и П. — <-е> (*сестры нет, к жене, на войне*), во вторых — <-и> во всех трех падежах (*из воды, к земле, в избы*).

4.1.2. В склонении существительных м. р. — расширенное окончание <-у> в Р. и П. падежах (*у мосту, с маслозаводу, снегу нету, в Ленинграду, в погребу*).

4.1.3. В склонении сущ. ж. р. на мягкий согласный наблюдается окончание <-е> в Д. и П. ед. не только в тех говорах, где оно является одновременно окончанием тех же падежей <-а>-склонения (1 и 2 группы), но и, вопреки мнению П. С. Кузнецова, в 3-й группе, т. е. там, где Р. и П. падежи <-а>-склонения оканчиваются на <-и>: *к матери, на пеце, в груде, в Сибири, но к сестре, по реке, на войне, в газеты*. Это расхождение в наших материалах может объясняться только беглостью наблюдений П. С. Кузнецова при лексической ограниченности типа склонения на мягкий согласный (хотя, впрочем, некоторые из этих слов — *печь, поветь, лошадь, мать, дочь* и др. — обладают очень высокой частотностью). Ситуация с падежными окончаниями женских склонений в Нюхче представляется нам парадоксальной, поскольку окончание <-е> у существительных без окончания считается результатом влияния <-а>-склонения, которое именно в этих говорах имеет <-и> в Р., Д. и П. падежах. По-видимому, эта странная контаминация объясняется положением говоров на границе между Поморской группой, которой свойственно окончание <-и> в Р., Д. и П. падежах женских склонений, и Вологодской группой, где Д. и П. имеют <-е>.

4.1.4. «Окончание тв. п. мн. ч. существительных, прилагательных и местоимений представлено обычно в форме *-ми* ... Наряду с этим наблюдается также окончание *-ма*, чаще у прилагательных и местоимений» [Кузнецов 1949: 39]. По нашим же наблюдениям, в говорах всего ареала прослеживается регулярное несоответствие окончаний Т. мн. субстантивного и адъективного склонений: *разныма нитками, залесыма воронами, с чужима людьми, с тема жёнками, со своима жённиками, с нима, с двойма с лбдками, со всема удобствами, четырёма, десетыма, с двадцатыма рублями*. К сожалению, это явление, свойственное почти всем говорам Архангельской обл., начиная с самых южных ее районов (Вилегодского и Устьянского) и кончая самыми северными (напр., Мезенским), до сих пор не получило отражения ни в одном из общих курсов русской диалектологии.

4.2.1. Склонение местоимений в современных говорах этого ареала почти точно соответствует описанию П. С. Кузнецова: в личных местоимениях при окончании <-а> в Р. и В. и <-е> в Д. и П. па-

дежах варьируется фонемный состав основы: *у меня // у мня, к мне // ко мне*; у неличных местоимений во всех говорах, кроме Лавелы (самого северного пункта), присутствует начальное *<н>* во всех формах косвенных падежей, в том числе, и употребляемых без предлога: *увёзла ней с собой, она нёгó прогонíла, я ним покажу*. *<н->* сохраняется и в формах притяжательных местоимений: *рассказала про нéйну мόлодость; это отéц нíхной и мáть нíхня, а это нёгбова дóци*.

4.2.2. Особый интерес представляют указательные местоимения, различные в говорах Нюхчи–Лавелы и всех остальных и не отмеченные П. С. Кузнецовым (вероятно, потому, что это явление относится скорее к лексике, чем к грамматике):

Н ю х ча: *Свéтла ráда — это лéсу нéту, а нúта елóва — кругом лес; Вот я к нúтой старúшке и пошлá, она мне нúту избúшку и осталá-вила; Я нúтого мужикá болé не видáла; Эти вот лапúги, кислекí на-рослý, дак тóлько корóва была, натолкéм вот нúтих, насыщím, да в молокó-то опúстим, да нúто и хлéбали; Нúтим доставлéли, белéтным-то; По такý ягоды, плётнúшки вот Васильевна вам покázывала, с нúтима хóдят по таки ягоды; Такой воз нагру́зят большáшчой, на нúтых и взят.*

Л á вела: *А потóм вот и сдéалось у нúтих котóры приходíли, их три мужикá-то приходíли — Кóля, да вот нúтот Васюгá, да нúтот, забыла как звáли мужикá-та — потóм вот у нúтих, котóры приходíли с топорáми-ти, у их сёстру убýло; Нúто внук мой сидít да внýцька; Эта вот пéсенка, а не нúта .*

Тинева: *Однeва шахнúть с бéрёга в рéку, а другóй раз шахнúть болé на тóттам бéрёг, на другóй; На тóттам конé бралá было; Тáттам стáра, а эта была новéе; В тóттам стóрону покáте пойдёт и в тóттам покáте пойдёт по кráжсу-ту; Тéттам гóды тóлько кишит мýхто; Оттúльттам привéз тéсу; Мáти у нёгó умёrlá позатóттам год.*

Местоимение *нутый* активно функционирует в ареале Нюхча — Лавела (60 км. по течению Пинеги); ниже, по Двине, оно встречается спорадически, а в других регионах вообще, кажется, неизвестно. Местоимение *tottam*, напротив, отмечено по всей Архангельской обл. Интересно, что это местоимение построено по той же модели, что и польское *tamtet* (*tamtego, tamtemi, tamtym* etc.), но с инверсией частей.

4.3.1. Глагольные окончания 3 л. характеризуются отсутствием *<-т>* в большем количестве форм, чем это отмечено у П. С. Кузнецова («... наличие форм без окончания *-т* в 3-м л. ед. ч. 1-го спряжения, наблюдающееся в Горке и Пинеге, а также в говорах вниз от Выи,

в Кучкасе, Нюхче, Сульце и Суре» [Кузнецов 1949: 40]). Во всех говорах 2 и 3 групп (за исключением Тиневы на Вые) <-т> регулярно отсутствует во всех формах, кроме мн. ч. глаголов 1-го спр. Вследствие выпадения интервокального <j>, ассимиляции и стяжения гласных глагольные финалы очень разнообразны: <-от> дает [-ó], [-é] (*даёт, заберёт*); <'-от> — [-o], [-e] (*плáцё, выбере*); <-ајот> — [-ájo], [-áe], [-ája], [-á] (*уезжáё, выпреваё, ушива́я, дава́*); <'-ајот> — [-a] (*óха, ограничива*); <-ејот> — [-éjo], [-éje], [-éja] (*заболеё, заготовлеё, прéя*); <'-ејот> — [-e] (*окуржаве*); <-ојот> — [-ójo], [-óje] (*закроё, нёё*). При этом [-t] факультативно возможно во всех формах.

4.3.2. Видовая пара *дать — давать* в этих говорах, как и во многих других на территории Архангельской обл., имеет своеобразную структуру: *давать* принадлежит к другому, чем в РЛЯ, более продуктивному классу основ *ø / j* (*даваю etc.*), а *дать* имеет следующую парадигму форм: [*дам, даш, даст, дайм, дајт'е, дајт*]: *Мы ёму и ложжу не дайм, мы ёмú и глазá выцаапим; Полу́цим дёньги-то и нёмú эшó oddайм; Вы сáми не хойте, не ишишите, вам даёт;* (А если попортили участок, они вам другого не дадут?) *A не знаю, даёт ле, не дают; Отдаите.* Встретилась также форма прош. вр.: *Я не давала ему, другым давала.* Трудно найти другое объяснение своеобразным формам мн. ч., кроме изначально фонетического: ослабление интервокального [d'] в формах 1 и 2 лица и замещение его фонемой <j> с последующим обобщением основы. Словоформа <дајут> перепла при этом из парадигмы глагола НСВ в парадигму глагола СВ. Это — редкий случай морфологизации фонетического явления, которое (ослабление интервокальных согласных) обычно реализуется с большой вариативностью.

4.3.3.0. В системе глагольных форм прошедшего времени в говорах активно употребляются, во-первых, формы глаголов НСВ, образованные от основ НСВ с помощью суффиксов <-ива- / -ва- / -а->, иногда с чередованиями гласных и согласных в основе типа *едать, бирать, давывать, тапливать etc.*; во-вторых, формы так называемого сложного прошедшего времени, состоящие из формы основного глагола на [-л] и согласованной с ней формы прошедшего времени глагола *быть*, типа *был вернулся, была сгорела, были ушли.* Формы с «удвоенной» имперфективностью одинаково употребительны в говорах 2-й и 3-й групп; что же касается форм сложного прошедшего, то говоры 2-й группы (Вадюга и Тинева) являются настоящим их «заповедником», а в 3-й группе (Нюхча и Лавела) они встречаются значительно реже. Однако это вовсе не свидетельствует об узкой ло-

кализации этих форм: в говорах Мезенского и Плесецкого районов они являются не менее живыми и употребительными, чем в Тиневе и Вадюге. Интересно определить не только семантику и условия функционирования той и другой формы прошедшего времени, но и их функциональное размежевание между собой и с другими формами прошедшего времени, т. е. место их в системе. Материал д. Вадюга был нами представлен в работе [Пожарицкая 1991], поэтому здесь мы анализируем лишь материал д. Тинева.

4.3.3.1. Формы на <-ива- / -ва- / -а-> употребляются, как правило, в конструкциях с отрицанием (75 % контекстов): *Он не жёнивался ешо. Нет, нигде не живала, дома всё; Морошки-то той мало, мы и не едали; Я-то много годов не купывалась; Боря-то у меня ешо не знат, не рубливал; Она не едала ешо конфетов; Вовка и Галя не сыпали ведь там, они всё у меня; Мне не говоривал никогда; Уж не разу не от кого не ёцё не бирала, не банки, не рыбы; Без рыбки не живали.*

В контекстах без отрицания сказуемое, выраженное этими формами, имеет значение давнопрошедшего времени, отделенного от настоящего: *Я сама хаживала; Я вот сама вораживала; Мохом мывала, затирала пол мама моя; Лавливала я, белка попала ино. Господи помилуй, всяко живали; Пешком хаживала; Вот нитки-те, базарски-те, были красны — все дак брали, я тож бирывала, Квартиры были даваны в домиках-те, говорят, пустуют есть; Я ёзживала колько годов.*

Значение кратности (называемое обычно в применении к этим формам многократностью) присуще им в той же мере, как и «обычным» формам НСВ — об этом свидетельствует употребление в качестве однородных сказуемых, например, форм *мывала* и *затирала* в приведенной выше цитате, а также: *Не тирала посуды и сама не тралась; Когó, мот, пужало, а меня не пуживало, Колбасы навеку не едала, колбасы-то я сроду не ела.* Не могут иметь отношения к идеи многократности и очень употребительные формы глагола *живать* —ср. приведенные выше контексты, а также: *Всё мама говорила — тебе уж, девочка, не живать долго; Не живала хорошо, только в работе всё.*

Таким образом, в грамматической семантике глаголов на <-ива- / -ва- / -а-> в рамках тех категорий, которые стандартно приписываются русскому глаголу, не удается обнаружить никаких отличий от мотивирующих глаголов НСВ. Выбор той или иной формы представляется нам обусловленным нейтральностью «простой» формы НСВ и эмфатической подчеркнутостью производной формы с «удвоенной» имперфективностью. Следует заметить, что эти производные формы присущи диалогической речи. Разумеется, эта семантическая

(или даже стилистическая) грань между двумя формами НСВ очень тонка, и в говорах наблюдается их взаимозамена (ср. в вышеприведенных контекстах *брали / бирывала, не тирала / не тралась, не ела / не едала*), а также своего рода экспансия форм на <-ива- / -ва- / -а-> (может быть, в силу их большей выразительности) — они замещают простые формы и при этом приобретают полную парадигму, включающую формы настоящего времени и императива, и употребляются без отрицания не реже, чем с отрицанием: *Только летом пригáнивают телáт-то, зимой нет; Всё откíпливат; Мох-от отпáдыват; Всеки речки в Выю выпáдывут; Только шей, да дéлытай. Иногда и летом пáдыва град.*

4.3.3.2.0. В говорах наблюдается два вида конструкций с формами прошедшего времени глагола *быть*, как бы дублирующими временное значение основной глагольной формы: конструкции с согласованными формами (*был вырос, не знала была, были захотели*) и несогласованными (*бело женился, было платили, было послали*).

4.3.3.2.1. Согласованные конструкции могут рассматриваться как одна глагольная форма, имеющая значение плюсквамперфекта — относительного, если в высказывании имеется второе сказуемое, соединенное с первым определенной темпоральной зависимостью, либо абсолютное, если второго сказуемого нет. Как в том, так и в другом случае в высказывании имеется три временных плана: момент речи, время события и точка отсчета во времени (референциальное время). Разница состоит в том, что референциальное время может быть выражено эксплицитно (*Там была уехала, да сюда приехала; Она (машина) была уж изломалася, а бригадир говорит — поедешь. Он поехал, да и застрял; Как у нас Вадюга была сгорела, дак отовсюль domы-ти навезено откуль экось; У меня старики были остались, да умерли*), а может быть и имплицитным (*Это вот кровать, а там стол был стоял; У нас тоже была избушка не сгорела, край няя была; У меня-то был осталсе сын двухгодовой*). Эти формы — в отличие от тех, о которых речь шла в **4.3.3.1.** — свойственны монологическому повествовательному стилю речи и, вероятно, являются наследием древнерусского плюсквамперфекта.

4.3.3.2.2. В высказываниях с несогласованными глагольными формами прошедшего времени *было*, по-видимому, не входит в состав сказуемого; оно обладает большей дейктической самостоятельностью, как бы вводя ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ (*Руберою привезли было бумажного, рубероем-то и хорошо; Докуля участки-те как не дали было, не разрешили, дак и худо*

шибко жили; Ешо ним снесла пачку было; Одна меня девушка было обсчитала в Тойме; С первым-то она мужиком — это он на войну ушёл, ак за другого какого-то мужика тут было вышла; Вот тогда было стали держать опеть скот, а так-то мало держали). Это особенно хорошо видно в тех контекстах, где основной глагол употреблен в форме настоящего или будущего времени, а также с предикативом нет: *Было дают пять килограм на отел; Озеро-то всё мы выбродим было; Бегают, ведь не уймёшь никак было; Тут уж говори было нету; На улице спали — нету было места. Вот посюда ноги нету было.* Эти контексты, в которых было относится ко всему высказыванию в целом, могут быть трансформированы следующим образом: (*А было так*) — *руберою привезли бумажного...* etc. Таким образом, несогласованное было играет роль глагольного детерминанта во фразе и едва ли имеет отношение к эволюции древнерусского плюсквамперфекта. Подробнее об этом — [Пожарицкая 1996].

Разумеется, в говорах устанавливаемые нами отношения не всегда выдерживаются строго, и роль глагола быть в высказывании не всегда может быть определена достаточно точно. Возможно, что употребление этой формы, как согласованной, так и несогласованной, при одном из однородных сказуемых выделяет как бы главное действие, т. е. играет роль актуализатора: *У меня ешо девочка была сгорела, она пахнула и сгорела; Он записался коммунистом, а матери не сказал, мать и не знала была; Я век в колхозе вот, да всё время и робили, а вши, мы ешо и пензии не заробили было-то, одва ешо и котры добились; Он пошёл лес секчи, да избу рубил, да было женился.* Отмечены единичные случаи употребления формы будущего времени глагола быть (как несогласованной, так и согласованной) с глаголом СВ в форме будущего времени: *Мы-то сами по себе дак, у меня топере окорёно, а потом роскряжую будет осенью-ту, на кряжи опеть вывозжу-ту; Кака-то когда жонка пошла, а мужик-от только шо высокочил, дак она одва не испужсаласе, думает, он, быват, чего сделат со мной будет; Они уж будут скоро придут боле.*

ЛИТЕРАТУРА

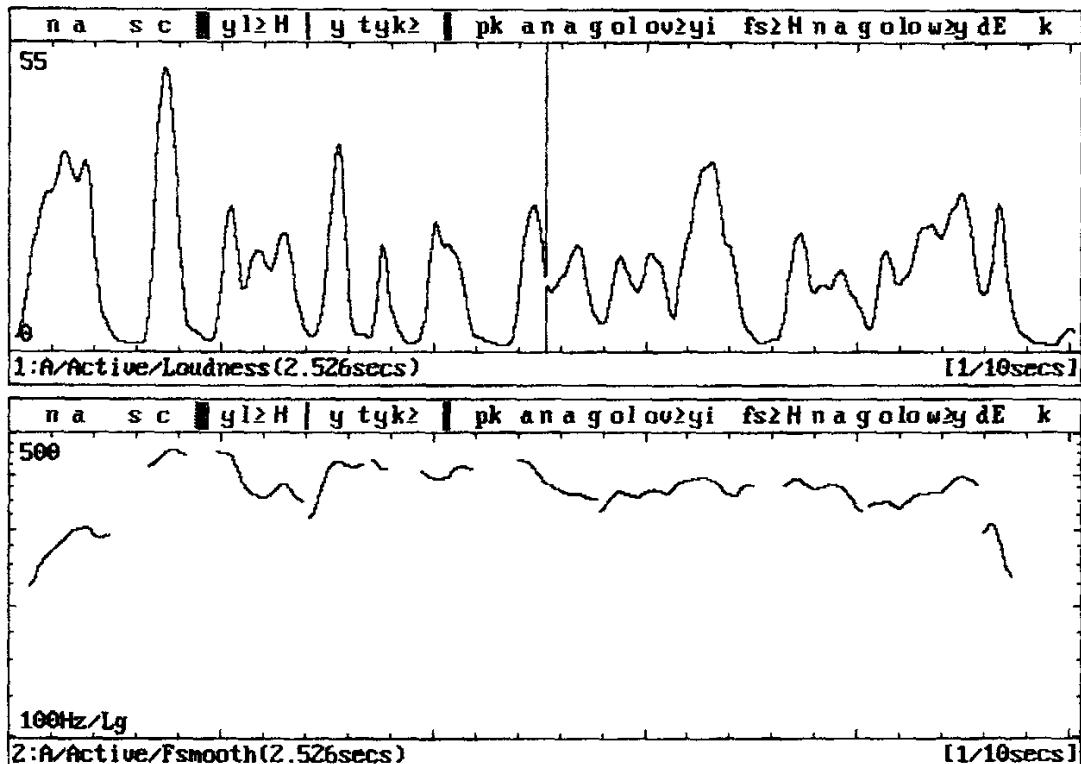
Дурново, Соколов, Ушаков 1915 — Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе: С приложением очерка русской диалектологии // Труды МДК. М., 1915. Вып. 5.

- Касаткин, Касаткина 1987 — *Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. The Correlation of the Tense-Lax Consonants in Some Russian Dialects and in Slavic Languages // Proceedings XI-th ICPPhS. Vol. 5. Tallinn, 1987.*
- Князев 1989 — *Князев С. В. Некоторые результаты экспериментально-фонетического исследования реализации противопоставления глухих/звонких согласных // Бюллетень фонетического фонда русского языка. 1989. № 2.*
- Князев 1990 — *Князев С. В. Реализация противопоставления глухих / звонких согласных в некоторых германских, славянских и финно-угорских диалектах // Congresses Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. ЗА Budapest, 1990.*
- Кузнецов 1949 — *Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М., 1949.*
- Кузнецова 1969 — *Кузнецова А. М. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.*
- Пауфошима 1978 — *Пауфошима Р. Ф. Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.*
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.*
- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К. Отражение эволюции древнерусского илюсквамперфекта в севернорусских говорах Архангельской обл. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1993–1994. М., 1996*
- CECIL 1990 — *CECIL: Computerized Extraction of Components of Intonation in Language. Tutorial for the Speech Analysis Programs CECIL and SPECTRUM. Ver. 1.1 & ver. 1.0 Summer Institute of Linguistic, Inc. 1990.*

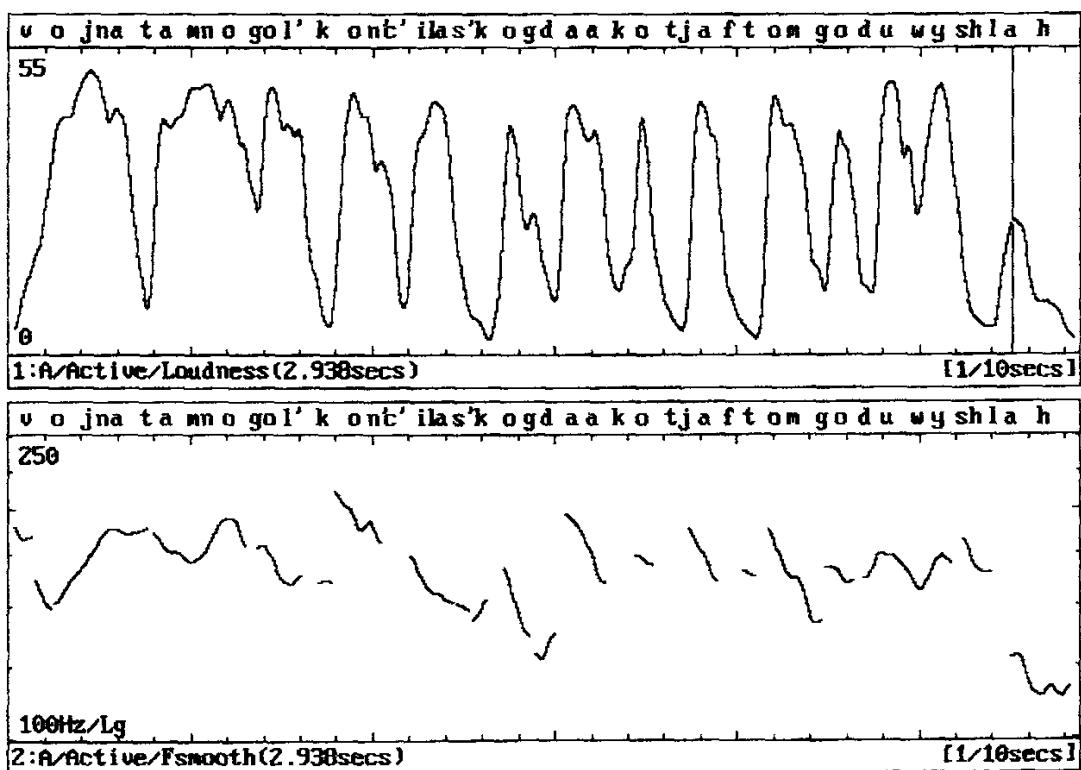
ПРИЛОЖЕНИЕ

Список иллюстраций

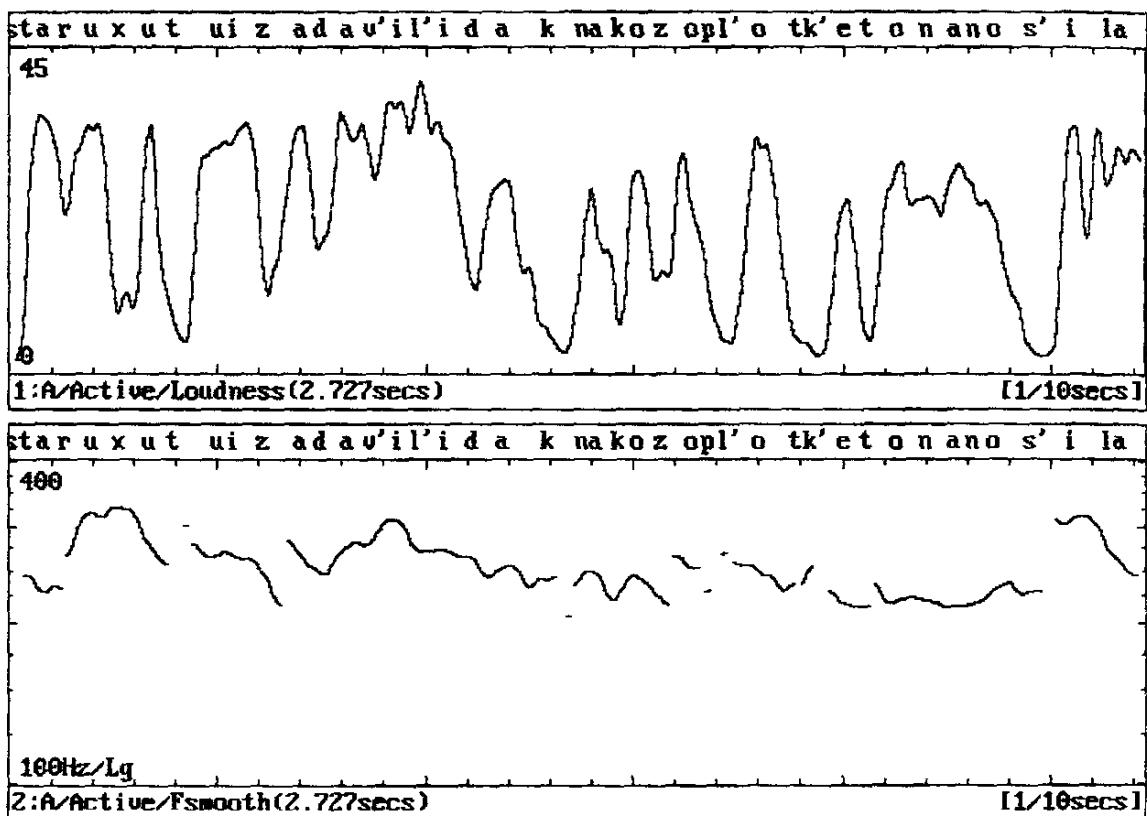
- Рис. 1. Огибающая интенсивности и график движения частоты основного тона (ЧОТ) во фразе *На суше лёжит, и кепка на голове, и всё на голове дак* (д. Тинева).*
- Рис. 2. Огибающая интенсивности и график движения ЧОТ во фразе *Война-та много ль кончилась когда, ак от я в том году вышла* (д. Вадюга).*
- Рис. 3. Огибающая интенсивности и график движения ЧОТ во фразе *Старуху-ту и задавили дак на косолётке-т она носила* (д. Вершина).*
- Рис. 4. Огибающая интенсивности и график движения ЧОТ в слове *дают дак* (д. Вадюга).*
- Рис. 5. Осцилограмма, огибающая интенсивности и график движения ЧОТ во фразах *приехали домой* (д. Ниухча) — слева; *дак опять ведь нао стояжары* (д. Вадюга) — справа.*

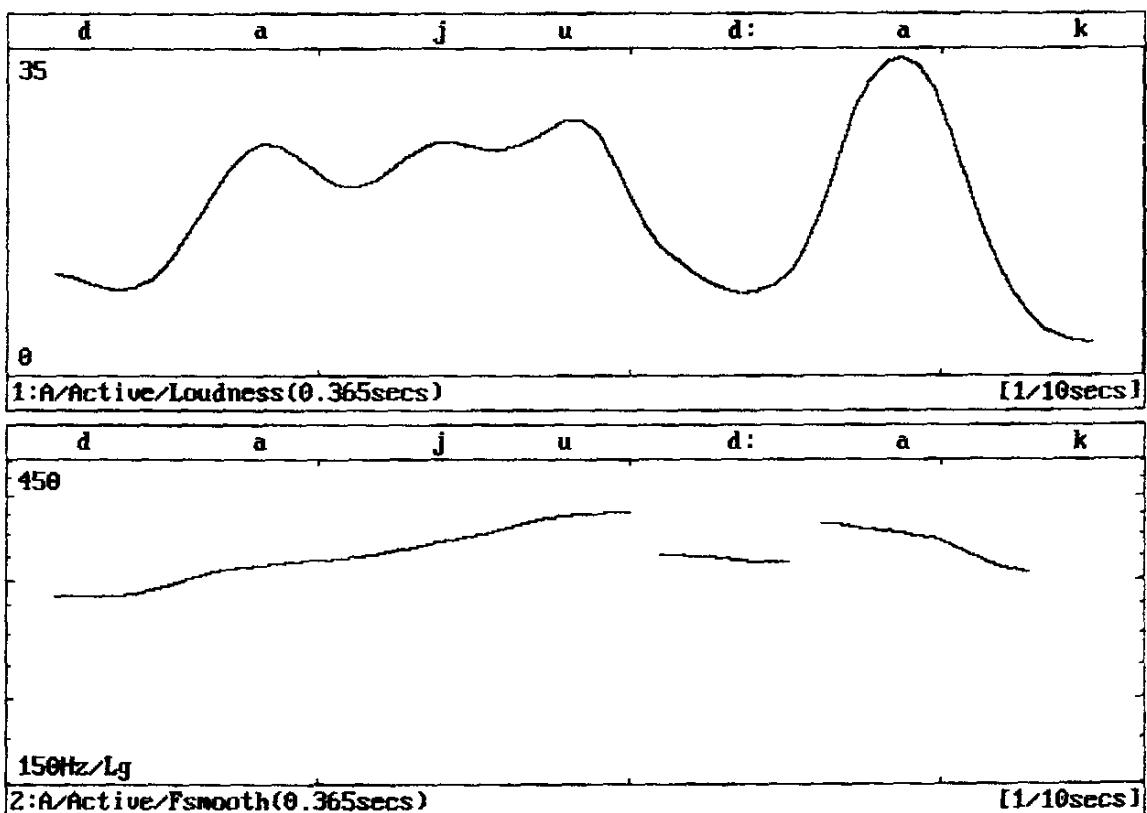
Puc. 1

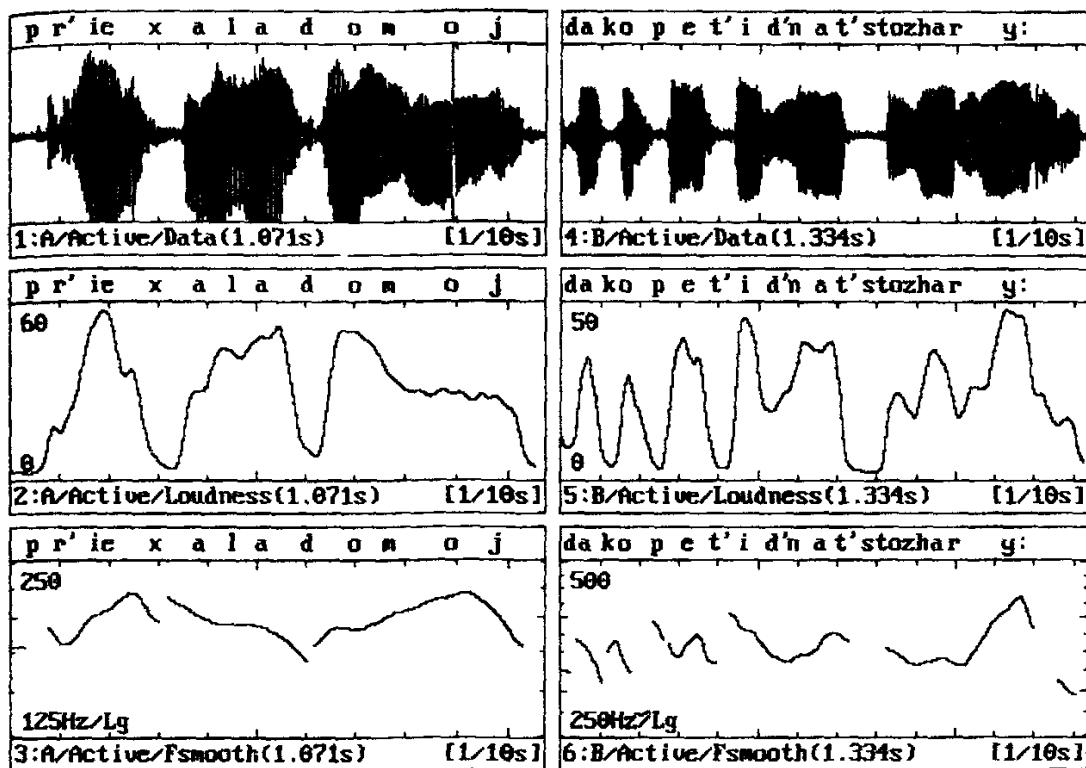
Puc. 2

Puc. 3

Puc. 4

Puc. 5

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Васеко Е. Ф.</i> Редуцированные [ы] и [и] в древнерусском языке и орфографические явления, связанные с обозначением этих гласных и их рефлексов.	5
<i>Шевелева М. Н.</i> Еще раз об орфографии церковнославянских рукописей и проблеме реконструкции системы говора писца	16
<i>Горбунова Е. А.</i> Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами)	47
<i>Галинская Е. А.</i> Из исторической фонетики псковских говоров	67
<i>Николаев С. Л.</i> Новые данные о фонетике русских говоров. 1. Рефлексы *и и *ɔ	120
<i>Гецова О. Г.</i> Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика	138
<i>Князев С. В., Левина А. Н., Пожарская С. К.</i> О говорах Верхней Пинеги и Выи	198
<i>Нефедова Е. А.</i> Экспрессивный потенциал языковой (диалектной) личности	220
<i>Маркова В. А.</i> О стилях произношения в одном архангельском говоре (к вопросу о стилистическом членении диалектной системы)	230

МАТЕРИАЛЫ

<i>Качинская И. Б.</i> Образцы говора юго-западной зоны Архангельского диалекта (Каргопольский р-н, д. Лёкшма)	239
<i>Петрова А. К.</i> Образцы говора юго-восточной зоны Архангельского диалекта (Вилегодский р-н, д. Павловск)	279
<i>Князев С. В., Пожарская С. К.</i> Образцы говора северо-восточной зоны Архангельского диалекта	311